

Се Ваньсун!

Се Ваньсун оправил одежду и невозмутимо произнес:

— Что такое?

— Вы разыгрываете этот спектакль, и ты всерьез думаешь, будто я ничего не вижу?

Се Тяньюн подошел к нему ближе. Его взгляд был холодным и чуждым, словно перед ним стоял не родной младший брат, с которым они росли бок о бок, а какой-то чужак, не имеющий с ним ничего общего.

— Се Ваньсун, ты вообще не способен любить, потому что в твоём сердце есть только ты сам.

В этих словах Се Тяньюна и впрямь была доля правды.

К своим двадцати с лишним годам Се Ваньсун по-настоящему любил лишь одного человека, но та без колебаний предпочла умереть у него на глазах лишь потому, что объект её собственной любви не отвечал ей взаимностью.

В тот день глубокая искренняя привязанность, в которую она так верила, превратилась в грандиозную насмешку судьбы.

Се Тяньюн принял его молчание за согласие, прислонился спиной к двери и усмехнулся:

— Пропустим по стаканчику?

Се Тяньюн приблизился, с легким и довольным видом закинул руку ему на плечо, поднес бокал к самым глазам Се Ваньсуна, и они вместе посмотрели на их отражения в зеркале.

К сожалению, у Се Ваньсуна не было привычки наслаждаться изысканными напитками в туалете, а потому он стоял перед зеркалом совершенно безучастно.

Уголки его губ внезапно приподнялись в пугающе прекрасной улыбке, а в темных глазах вспыхнул насмешливый блеск.

Се Ваньсун оттолкнул протянутый бокал, развернулся и спокойно встретил взгляд Се Тяньюна.

— И что с того? Досталось-то наследство мне, кресло генерального директора группы Тяньюй сейчас занимает тоже я, и будущим наследником компании стану я.

Его голос звучал ровно и неторопливо, буднично — так, будто он констатировал самый обычный факт.

Однако смотрел он на Се Тяньюна с откровенной жалостью, словно на бешеную дворнягу, которая способна лишь лаять на людей, и стоит поманить — тут же схватит с рук кусок гниющего мяса.

— Каково это, братец, когда у тебя всё отнимает ребенок какой-то шлюхи?

Едва Се Ваньсун договорил, как дыхание на миг перехватило — Се Тяньюн схватил его за воротник и с размаху впечатал спиной в стену.

Следом раздался звон разбившегося о пол бокала.

Се Ваньсун не ожидал от мужчины внезапного нападения, а когда сообразил, в чем дело, лучший момент для отпора был уже упущен. От удушающей боли свело горло, и он тяжело зашелся в кашле.

Се Тяньюн наглядно продемонстрировал справедливость выражения «сила есть — ума не надо». Се Ваньсун не мог оказать ему ни малейшего сопротивления: в тот момент, когда он ударился о стену, спину пронзила острая боль, мир вокруг завертелся волчком, а в ушах зазвенело.

— Думаешь, я не знаю, что отца убил ты?

У Се Тяньюна на руках вздулись вены. Часть вина из выпавшего бокала расплескалась, брызнув на щеку Се Ваньсуна, и багровые капли покатались по его шее, мгновенно впитываясь в белую ткань.

— Какая у тебя совесть носит претендовать на наследство? Ты должен был сдохнуть вместе со своей матерью, которая повесилась.

Се Тяньюн изо всех сил вцепился пальцами в тонкую мягкую ткань одежды и проговорил сквозь зубы, чеканя каждое слово:

— Ты даже на старика поднял руку, чего тебе еще бояться?

Убийца.

Се Тяньюн клялся себе: если бы за убийство не сажали в тюрьму, он прямо сейчас выбросил бы этого человека, которого приходилось звать младшим братом, в окно.

С того дня три года назад, когда Се Ваньсун переступил порог дома Семьи Се, его тощая спина была прямой, как сосновый ствол, и от него исходила природная, заносчивая гордость, глядящая на всех с высоты. Черт знает какими методами он пользовался, но Се Чанюань, прежде избегавший любых разговоров о прошлом и о своем внебрачном сыне, по собственной воле признал этого парня, и стоило остальным увидеть его, как они тут же почтительно кланялись и звали «третьим господином».

Се Тяньюн вспомнил ту ночь, когда отец испустил дух. Домочадцы дежурили у постели по очереди, и в момент смерти Се Чанюаня в палате находился только Се Ваньсун.

Когда остальные члены семьи один за другим примчались в больницу, перед ними предстала лишь всё та же прямая, непоколебимая фигура в полумраке палаты, а старик на кровати уже не подавал признаков жизни.

— Наш отец умер.

Выглядел Се Ваньсун очень спокойно, только глаза слегка покраснели, будто он только что плакал.

Но Се Тяньюн отчетливо заметил одну деталь: кислородная маска на лице старика съехала набок. Дежуря до этого от скуки, он специально обратил внимание на то, как именно она сидела, а сейчас было совершенно очевидно, что маску кто-то сдвинул, а потом второпях попытался вернуть на место.

Се Ваньсун сорвал кислородную маску.

Что за страшный человек — мало того что убил, так еще и лицемерит, изображая скорбь.

В этот момент Се Ваньсун уже не слышал грязи и ядовитых ругательств Се Тяньюна. Перед его глазами мелькал лишьдвигающийся в истерике рот, а воспоминания, вызванные монологом сводного брата, хлынули лавиной, затапливая всё вокруг и погребая его под собой.

Сейчас в его голове проносился вовсе не мертвый Се Чанюань, а хрупкая, несчастная женщина.

— Раз ты так похож на него, почему же он упорно не хочет забрать нас к себе?

— Если мамы не станет, ты всё равно должен жить дальше.

— Сяосун... Мама виновата перед тобой.

Ошеломленный, с застывшим лицом, он смотрел на занесенный для удара кулак Се Тяньюна и

просто закрыл глаза.

Хлопок.

Ожидаемой боли не последовало.

Ресницы Се Ваньсуна дрогнули, он открыл глаза и увидел, что Цзян Чжи перехватил занесенную руку Се Тяньюна. Тот сперва окинул Се Ваньсуна изумленным взглядом, а затем его холодное лицо исказилось от еле сдерживаемой ярости, превратившись в нечто страшное.

Как бы Се Тяньюн ни рвался, Цзян Чжи стоял как влитой. Не обращая внимания на брань мужчины, он с легкостью оттащил его от Се Ваньсуна и швырнул вперед, словно какой-то мусор.

— Что ты делаешь?

Цзян Чжи, высокий и широкоплечий, стоял в тени, его суровые брови и взгляд были омрачены мрачной хмуростью, напоминая дикого волка, готового в любой момент обнажить острые клыки.

Се Тяньюн отроду не сталкивался с подобным унижением. Его затрясло от гнева, смешанного с внезапным страхом.

Хотя Цзян Чжи не произнес ни угрозы, от него исходил такой холод, поднимавшийся прямо от ступней, что Се Тяньюна пробрало до костей. С налитыми кровью глазами он бросил на Се Ваньсуна свирепый взгляд, развернулся, выругался, с грохотом распахнул дверь туалета и выбежал прочь.

От прежней надменности Се Ваньсуна не осталось и следа. Лицо его выражало растерянность и отрешенность, глаза были опущены, губы плотно сжаты, а на щеках и одежде расплылись пятна красного вина.

Цзян Чжи нахмурился. Он легонько сжал руку Се Ваньсуна, и это прикосновение словно вывело чувствительного мужчину из забытья: тот испуганно взглянул на Цзян Чжи, отчетливо увидев в его глазах собственное жалкое отражение.

Губы Се Ваньсуна задрожали, он инстинктивно сделал несколько шагов назад, отводя взгляд, и, оттолкнув Цзян Чжи, попытался уйти.

Но едва он бросился к выходу, Цзян Чжи снова притянул его к себе.

Се Ваньсун, словно наступили на хвост испуганному коту, яростно отдернул руку:

— Не лезь ко мне!

— Се Ваньсун! — гневно рявкнул Цзян Чжи.

Се Ваньсун и вправду замер от этого крика, оставшись стоять на месте и позволив Цзян Чжи подвести себя к умывальникам, где тот вытянул из диспенсера бумажные салфетки.

Цзян Чжи на секунду замер, словно колеблясь, а затем медленно поднял руку и неуклюже принялся стирать вино с его лица.

Стоило салфетке коснуться кожи Се Ваньсуна, как тот машинально попытался отпрянуть, однако Цзян Чжи придавил его плечо ладонью, не позволив увернуться.

— Не двигайся, — тихо приказал Цзян Чжи.

Цзян Чжи был примерно на голову выше Се Ваньсуна, да и в плечах шире, так что сейчас он целиком нависал над ним. Свет падал сверху, скользя по его высоким глубоким бровям и переносице, и опускался прямо в глубину глаз Се Ваньсуна.

Кончик носа Се Ваньсуна уловил запах, исходивший от него: словно зимний сосновый бор, чистый и морозный аромат снега, стряхнутого с ветвей, который легким дуновением ветерка мгновенно прогнал остатки оцепенения.

Глядя на то, как Цзян Чжи хмурится и неумело трет его лицо, он вдруг почувствовал странное желание рассмеяться.

Наконец Се Ваньсун перехватил его запястье и произнес:

— Я сам, спасибо.

В голосе уже не осталось и следа прежней бури, звучало лишь привычное спокойствие, в котором сквозила вежливая, едва уловимая отчужденность.

Заметив, что выражение лица Се Ваньсуна нормализовалось, а недавнее помрачение рассудка словно испарилось, Цзян Чжи сделал шаг назад, деликатно оставляя между ними комфортное пространство, и протянул ему еще несколько салфеток.

Се Ваньсун ловким движением стянул испачканную футболку, бросил ее в урну, а затем тщательно вытер оставшиеся на теле холодные и неприятные следы багрового вина.

Цзян Чжи впервые видел Се Ваньсуна без одежды: поджарое и хрупкое тело мужчины тем не

менее скрывало рельефные очертания мышц. Тонкая, поразительно изящная талия переходила в красивые линии мускулов живота, которые скрывались под ремнем брюк.

Цзян Чжи вовремя осознал, что его взгляд стал слишком долгим и неуместным.

— Я попрошу официанта принести новую одежду, — сказал он.

После этого он снял свою куртку и протянул ее Се Ваньсуну:

— А пока набрось это.

<http://bllate.org/book/26114/3127921>